

**ДИТЯ
АРХАНГЕЛА**

18+

Кристина Дорофеева

Дитя Архангела

<https://litres.ru/73938859>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты такая красивая, когда злишься», — шепчет он, прижимая меня к двери. И я забываю: он демон, мое сердце думает о другом, а моя мать в плену.

Агата хотела обычный день рождения. Вместо этого — магический удар, похищение друга и весть: её мёртвый отец жив и он — архангел.

Теперь её тело светится, сердце разрывается между ангелом и демоном, а мать ждёт в лапах Падших.

Восемнадцать свечей. Две любви. Одна ложь.

Кристина Дорофеева

Дитя Архангела

Глава 1. Обретение силы. Агата

Сентябрьская Москва дышала в лицо прохладным, уже колючим ветром. У входа в GIPSY — один из тех клубов, о которых шепчутся в институтских курилках, — толпилась нарядная очередь, и воздух пах смесью духов, осенней сыростью и чужим возбуждением.

— Ты чего так долго? — Лена переминалась с ноги на ногу на остывшем асфальте, кутаясь в короткую шубку, которая явно была рассчитана на более тёплую погоду. Её дыхание вырывалось лёгкими облачками пара.

Я замерла на секунду, любуясь подругой в неверном свете уличных фонарей. Как ей удаётся выглядеть на сто из ста с минимумом косметики? Яркие рыжие волосы струились локонами ниже плеч — живое пламя среди серых панелек. Зелёное платье облегалo её точеную фигурку, подчёркивая каждое достоинство, а глаза — такого же травянистого оттенка — в институте дали повод для прозвища «Чародейка». Природный дар: просыпаться королевой, даже не приоткрывшись к тональному крему.

— Мне, в отличие от тебя, надо минимум часа два, чтобы привести себя в божеский вид, — вздохнула я, поправляя

тонкую бретельку чёрного платья. На ветру кожа покрылась мурашками.

— Ты всегда прекрасна. Но так и быть, прощаю опоздание в честь великого праздника. — Лена звонко рассмеялась, и смех её разбился о холодные стены высоток.

У меня день рождения. Восемнадцать. Дата, которую я не люблю, но которая бывает раз в жизни. Лена настаивала на размахе — ресторан, гости, фейерверки, — но мы сошлись на компромиссе: клуб втроём. Я, она и наш однокурсник Маркар.

Наряд я выбирала мучительно долго. В итоге — облегающее чёрное платье до середины бедра, на тонких бретелях, босоножки на высоком каблуке и накинутый сверху пиджак, чтобы не околевать у входа. Фигура у меня тоже ничего, но формы не такие выразительные, как у Лены. И сегодня меня это почему-то не беспокоило.

— Идём танцевать, скромняга. — Лена взяла меня за руку, и её пальцы обожгли прохладой. — Сегодня, говорят, в зале какой-то шикарный диджей. Ты видела эту очередь?

Мы вошли. И мир за бортом исчез.

Внутри GIPSY оказался огромным, тёмным и влажным от чужого дыхания. Низкий потолок давил, но одновременно создавал ощущение тайной пещеры, где музыка заменяла свет. Пульсировал бас — такой глубокий, что вибрация отдавалась в рёбрах. Лазеры резали полумрак, выхватывая то чей-то смех, то блеск бокала, то мелькание тел в такт. Запа-

хи: перегаристая сладость коктейлей, терпкий табак кальяна, женские духи с нотами ванили и — едва уловимо — мужской одеколон, острый и свежий.

Лена уже тащила меня вглубь, лавируя между столиками. Наш оказался в нише у стены — кожаный диван, столик на низких ножках, заставленный тарелками и бутылками. Я мысленно поблагодарила подругу: организатор из меня нулевой.

Макар сидел расслабленно, откинувшись на спинку, но, заметив нас, мгновенно поднялся. Весь в чёрном — облегачающая футболка, джинсы, даже кеды. Высокий, широкий в плечах. Кареглазый брюнет. Спорт в его жизни — каждый день, и это было заметно: каждый мускул перекачивался под тканью, когда он делал шаг к нам.

— С днём рождения, красотка, — произнёс парень, приблизившись почти вплотную, и поцеловал в щёку. Его губы были тёплыми, в отличие от всего вокруг.

Я знаю, что нравлюсь ему. Но во мне — ни одной искры. Ноль. Зияющая пустота там, где должно быть «бабочки в животе». В свои восемнадцать я ни с кем не встречалась, только целовалась пару раз — неловко, наспех, и ничего не почувствовала. Мой принц, наверное, задерживается в пробке, — подумала я с иронией.

Кстати, я почти уверена: Лена влюблена в Макара. Рядом с ним она всегда краснеет и начинает крутить прядь волос на пальце — жест, который выдаёт её с головой. Не понимаю,

почему он сам этого не видит. Или делает вид.

Лена тем временем уже разливала шампанское по тонким бокалам. Пузырьки поднимались вверх в золотистой жидкости, и от бутылки тянуло лёгкой кислинкой и мёдом.

— За восемнадцать! — провозгласила она, поднимая свой бокал.

— За тебя, — добавил Макар, глядя мне прямо в глаза.

Мы чокнулись. Стекло издало нежный, чистый звон, который потонул в общем гуле клуба. Я сделала глоток — шампанское оказалось тёплым, сладковатым, с сотней маленьких иголочек на языке. Оно мягко обожгло горло и разлилось по телу приятным расслабляющим теплом. На секунду я забыла о холоде за окном, о своих сомнениях — просто улыбнулась и кивнула в ответ.

— А теперь танцевать! — Лена поставила бокал на столик и схватила меня за руку. — Идёшь с нами на танцпол, Макар? — почти на ухо крикнула она, перекрывая грохот очередного трека.

— Нет, посижу тут. Посмотрю на вас. — Он улыбнулся, и в полумраке блеснули белые зубы.

Мы пробились в центр зала. Тела вокруг сжимали нас, создавая живой коридор. Я закрыла глаза, позволив музыке войти внутрь. Глубокий хаус перетекал в мелодичный техно — синтезаторы пели на грани боли и удовольствия. Лена танцевала напротив, запрокинув голову, её рыжие волосы метались как языки пламени. Я двигалась вслед за ритмом,

сначала робко, потом смелее.

Рядом крутилась компания парней, одетых с вызывающей небрежностью. Они заигрывали — кто-то протянул руку, кто-то «случайно» коснулся бедра. Мне, наверное, должно льстить. Но я твёрдо знаю: клуб — не лучшее место для знакомства. Здесь все роли играют, а просыпаешься Золушкой без туфельки.

А потом врубили медляк.

Мелодия потекла тягучей, как карамель. Синтезатор сто-нал, бас ушёл в шёпот. Мы с Леной переглянулись и решили вернуться к столику — устали и хотели пить.

Но почти у самого дивана чья-то рука легла на моё запястье. Аккуратно, но уверенно. Как будто знала, куда положить.

— Потанцуем? — услышала я низкий голос — чуть хрипловатый, с мягкими нотками.

Я обернулась. И мир снова остановился.

Рядом стоял высокий блондин. Длинные волосы — светлее льна, почти белые — падали на плечи, обрамляя лицо с резкими скулами и чуть насмешливым ртом. Глаза — такого ярко-голубого цвета, что я вздрогнула: точно такие же, как у меня. В тусклом свете клуба они светились, как два ледяных осколка.

Белая рубашка расстёгнута на две пуговицы, открывая ложбинку на груди и золотистую от загара кожу. Белые брюки сидели безупречно, будто шиты на заказ. От него пахло не

клубом — свежестью, морем, лёгкой древесной горечью. Запах не вязался с духотой и потом вокруг. Казалось, он только что вошёл с бриза.

Моё сердце пропустило удар. Ноги стали ватными — я буквально почувствовала, как каблуки вдавливаются в пол, а колени дрожат.

Я бросила взгляд на Лену. Та стояла с округлившимися глазами — редкое зрелище — и подмигнула. Одними губами: давай.

Сегодня мой праздник. Почему бы и нет?

Я кивнула.

Как только его пальцы сомкнулись на моём запястье, мир коротнуло. Разряд — от кончиков пальцев до затылка. Волоски на руках встали дыбом. Он повёл меня вглубь танцпола, туда, где медляк уже захватил всех — пары кружились, прижавшись друг к другу.

Сильная рука легла на талию — широкая ладонь, длинные пальцы. Я положила свою руку ему на плечо. Ткань рубашки была прохладной и гладкой, под ней чувствовались твёрдые мышцы.

Мы медленно двигались. Его грудь почти касалась моей. Я ощущала тепло, исходящее от него — как от печки в зимнем доме. Запах моря и древесины окружил меня, заглушив всё: и пот, и дешёвые духи, и перегары.

Мне показалось, что в зале не осталось никого. Только я, он и эта тягучая мелодия, которая растекалась по венам вме-

сто крови.

Я даже имени его не знала. Он не спрашивал моё.

Но рядом с ним было так естественно, будто мы уже сто раз танцевали прежде. Будто я знала, куда он повернёт, как дышит. Моё сердце стучало в такт его шагам.

Я хотела, чтобы это длилось вечность.

Как ты паришь.

Знаешь, ты даже не знаешь,

Что ты со мной творишь,

Когда ты вот так вот летаешь...

Песня лилась прямо в душу, и слова казались написанными про нас.

Красавчик наклонился ближе — его лицо оказалось в сантиметре от моего. Дыхание смешалось с моим — тёплое, с лёгкой мятной ноткой. На миг я испугалась, что сейчас поцелует. И поняла, что не буду возражать.

Но его губы скользнули к моему уху. Я почувствовала их лёгкое касание мочки, и по спине пробежала горячая волна. Он прошептал:

— С днём рождения, Агата.

Голос — низкий, почти интимный — ударил где-то в солнечном сплетении.

Тело пронзил холодный ток. Сердце ухнуло вниз.

Откуда он знает моё имя?

Я никогда не видела его раньше. Такое лицо нельзя забыть.

Я резко отдернула руку и отступила на шаг. Толчок получился слишком сильным — я чуть не упала на чью-то пару, танцующую сзади. Но он даже не пошатнулся. Стоял и смотрел на меня — без удивления, без обиды. Грустно.

— Мы знакомы? — выдохнула я. Голос сел, прозвучал хрипло.

Он не ответил. Только улыбнулся — краешками губ, и в этой улыбке была такая тоска, что мне захотелось заплакать.

— Ещё увидимся, — сказал тихо.

Развернулся и пошёл к выходу. Белая рубашка мелькнула в толпе в последний раз — и исчезла.

Меня окутал холод. Не тот, с улицы, а внутренний — будто кто-то выключил внутри обогреватель. Тело ломило, словно после тяжёлой тренировки. Я стояла посреди танцпола, и мимо проплывали пары, кто-то задел плечом, но я не чувствовала ничего, кроме пустоты.

Кто он?

Вопрос стучал в висках.

Я заставила себя вернуться к столику. Лена набросилась сразу:

— Кто это? Как зовут? Где ты его взяла?

— Если бы я знала, — ответила я, беря дрожащими руками первый попавшийся бокал.

Макар молчал, но я заметила, как он сжал челюсть. Ревность? Неважно.

Мы стукнулись бокалами, выпили. Коктейль обжѐг горло, но не согрел.

Остаток вечера я танцевала на автомате, улыбалась, смеялась — но внутри всё кипело. Этот парень в белом не выходил из головы. «Ещё увидимся», — сказал он. Значит, увидимся. И тогда я задам ему все вопросы. Прямо в лицо.

В три часа ночи мы вышли на прохладный сентябрьский воздух. Он обжѐг лёгкие после духоты клуба, и показался почти сладким. Такси ждало у обочины — жѐлтое пятно в сером рассвете, который только начинал разгонять тьму.

Первыми вышли Лена и Макар. Лена чмокнула меня в щѐку, Макар молча кивнул. Машина поехала дальше, к моему дому.

Я расплатилась, вышла и застыла. На часах было почти четыре, небо над спальным районом висело низко, лилово-серое, без единой звезды. Высотки стояли мрачные, как великаны-отшельники. Где-то лаяла собака, где-то хлопнула дверь.

Пора домой, — подумала я, но не пошла. Встала у подъезда, вдохнула колючий воздух, и мысли сами потянули в прошлое.

Завтра — восьмая годовщина смерти отца.

Мне было десять, когда мир рухнул. Случайная авария — фура, уснувший водитель, главная дорога, и «Фольксваген»

папы, который смяло как консервную банку. Удар — в водительскую дверь. Подушки не сработали. Мы с мамой остались живы чудом — сидели сзади, и нас выбросило в кювет, но отделались ушибами.

Мама потом пила. Месяцами, не просыхая. Потом встретила Артура. Забеременела. Через два года после смерти отца у меня родилась сестра — Кира. Моя единственная радость в те дни, маленький тёплый комочек, который заставил меня улыбаться снова.

Сейчас мама не пьёт. Артур ушёл, но иногда приходит навестить Киру, приносит подарки. Мы живём втроём, и это нормально. Почти.

Хватит, — сказала я себе. — Завтра схожу на кладбище. А сейчас — домой.

И тут — звук. Глухой удар металла о металл. Словно кто-то с размаху припечатал кого-то к железной двери соседнего подъезда.

Я обернулась.

Свет уличного фонаря выхватил две фигуры. Одну — крупную, в тёмной куртке. И другую.

Его.

Блондин в белом. Тот самый парень из клуба.

Он прижимал незнакомца к двери — рука на горле, вторая держит за запястье. Лицо его было спокойным, почти скучающим, будто он делал это каждый день.

Страх прошил меня насквозь. Я не могла пошевелиться.

Даже закричать.

А потом случилось то, чего я не смогу объяснить никогда.

Моё тело вспыхнуло.

Белый свет — ярче, чем любой прожектор, — вырвался изнутри, из груди, из ладоней, из каждой клетки. Он был горячим и холодным одновременно. Он пульсировал в такт сердцу. Я видела свои руки — они светились так, что стали полупрозрачными, как китайский фонарик.

Через пару секунд — тишина. Свет погас. Осталась только темнота и звон в ушах.

Парни у соседнего подъезда замерли. Оба смотрели на меня.

Парень в белом — тоже. Но в его взгляде не было удивления. Только что-то вроде: наконец-то.

Я не думала. Просто развернулась, влетела в свой подъезд, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание рвалось наружу хриплыми всхлипами.

Что это было?

Лампочка в подъезде мигнула и погасла. Я сидела в темноте на холодном кафеле, прижимая колени к груди.

Свет. Я светилась. Как лампочка. Как... как магия?

Я никогда не верила в магию. Никогда.

Но логического объяснения у меня не было.

Тот парень... он следил за мной? Знал моё имя. Был у моего дома. И, кажется, не удивился моему свечению.

Кто ты? — спросила я в пустоту.

Ответа не было.

Я поднялась. Ноги дрожали. Тихо открыла дверь ключом — в коридоре горел ночник, мама и Кира спали. Я прошмыгнула в свою комнату, не включая свет, упала на кровать поверх одеяла.

За окном серело — медленно, неохотно, как будто и небо боялось нового дня.

Сна не было. Только бесконечные вопросы и этот странный, пугающий восторг где-то под рёбрами.

Я светилась.

Я светилась.

Я закрыла глаза и провалилась в темноту.

Глава 2. Знаки судьбы. Агата

Мне снился сон — хотя в тот момент казалось, что всё происходит наяву.

Я снова оказалась на той самой дороге, где разбился отец. Но всё выглядело иначе. В тот день восемь лет назад было ясно и солнечно, а сейчас лес по обе стороны трассы утопали из неё чёрными когтистыми ветками. Дорога же — странное дело — была ярко осв в тёмной туманной дымке, густой и зыбкой, как кисель. Деревья торчаещена фонарями. Их жёлтый свет ложился на асфальт маслянистыми лужами, а дальше тонул в непроглядной тьме.

Посреди этого нереального круга света стояла фигура

мужчины.

Издаലെка я не могла разобрать кто это. Сердце колотилось где-то в горле, пока я шла — ноги почти не слушались, будто вязли в смоле. Но чем ближе, тем отчётливее становились черты. И когда я оказалась в двух шагах, воздух вышибло из лёгких.

Папа.

Он стоял и улыбался мне — той самой тёплой, чуть виноватой улыбкой, которую я помнила с детства. Не произносил ни слова, но глаза говорили: *иди сюда*.

Я рванула к нему и обняла. Крепко-крепко, так, что затрещали рёбра. Мне казалось, если разжать руки — он исчезнет. И он обнял в ответ. Его ладони — шершавые, большие, такие родные — легли на мою спину. Пахло от него привычным: древесиной, табаком (он так и не бросил до конца) и чем-то домашним, неуловимым — запахом его куртки, в которую я зарывалась носом в детстве.

— Папа, я так скучала по тебе, — выдохнула я почти шёпотом. Голос дрожал, в горле стоял ком.

— Я тоже, милая. — Его голос был низким и чуть хрипловатым, как будто он долго молчал. — Но так было нужно. Сегодня тебе исполнилось восемнадцать. Ты стала совсем взрослой, моя девочка.

Он прижал меня ещё крепче, вдохнул аромат моих волос. Я зажмурилась, пытаясь запомнить каждое ощущение: тепло его груди, тяжесть рук, тихий стук сердца — или мне только

казалось, что я его слышу?

А потом меня накрыло осознанием.

Острое, холодное, как удар ножом в солнечное сплетение:
это всё не по-настоящему.

Я отстранилась и посмотрела ему в лицо. Всё те же морщинки у глаз, та же ямочка на подбородке, которую я в детстве называла «папиной впадинкой». Но под красками сна чувствовалась пустота.

Он — плод моего воображения. Его нет. Он никогда не вернётся. Ни к нам с мамой, ни ко мне. Не обнимет, не прочтёт нотацию, не приготовит свои дурацкие макароны с сыром по ночам. Не будет больше его наставлений, ужинов, его тихого смеха за просмотром новостей.

Слёзы хлынули сами. Я не сдерживалась — да и зачем? Я рыдала в голос, выплёскивая ту боль и тоску, которые копились восемь лет. Восемь лет без папы. Восемь лет пополам с маминым алкоголем, чужим мужчиной, рождением Киры и тихим отчаянием.

Он словно прочитал мои мысли. Его глаза стали грустными-грустными, и он снова обнял меня — осторожно, как в детстве, когда я разбивала коленку.

— Всё будет хорошо, доченька. — Его губы коснулись моего виска, почти невесомо. — Мы скоро встретимся.

На этом месте сон оборвался.

— Агата! Подъём! Опоздаешь! — мамин голос ворвался в сознание, как пожарная сирена.

Я лежала на спине, глядя в потолок. За окном серело — настоящее утро, а не то, из сна. Телефон показывал половину седьмого. Сердце всё ещё колотилось, щёки были мокрыми от слёз.

Сон. Это был просто сон.

Но он казался таким реальным... Папа пах папой. Его руки помнили мою спину. А слова — «мы скоро встретимся» — застряли в голове занозой.

Что это было?

Я села на кровати, обхватив колени руками. Воспоминания вчерашнего вечера нахлынули следом: блондин в белом, танец, его шёпот («С днём рождения, Агата»), потом драка у подъезда... и свет. Белый свет, который исходил из моего тела. Как от лампочки.

Надо разобраться.

Либо я поверю в мистику. Либо... второй вариант — психушка. Пока никому не буду рассказывать. Лена с Макаром отправят к психиатру, мама спишет на усталость после сессии — но в глубине души подумает самое страшное: у её дочери поехала крыша.

Я скинула одеяло и встала. Ноги были ватными, но это пройдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.